
Юрий КОНЬКОВ

* * *

Когда в автобусе поедem, в картонном блеклом коробке,
Когда попутчики-соседи как провода накоротке,
Водитель, только от вокзала, сейчас опорожнит стакан,
Кондуктор с яркими глазами и не работает стоп-кран.

Скрипит искусственная кожа в размере бедного стиха,
Тяжелый круглый лоб положен на хлористый ледник стекла,
И жизнь, не прожитая сразу, на новых вроде бы листах
Казенные штампует фразы на самых лакомых местах.

Петляет пыльная дорога сквозь нежилые города,
И вдруг рождается так много, что ни сказать, ни догадать,
И память о мирах прошедших, и не бояться ничего —
Не достижение, конечно, но обещание его.

* * *

Теперь не злоба, а сугробы,
Не поводок, а холодок.
Во всей Вселенной пахнет сдобой,
И Цербер ластится у ног.

На дальних трассах нынче, баяют,
Опять видали мертвецов.
В синематографах Чапаев
И выюга норовит в лицо.

Сам вижу, как-то все смешалось,
Переплелось, перевралось.
Такая жизнь у нас смешная,
Что хочется сыскать врагов:

Юрий Коньков — поэт, родился в 1976 году в Москве. Один из основателей и участник ЛитО «Рука Москвы» («Рукомос»), в 2009–2012 годах главный редактор сайта «ТЕРМИТник поэзии», с 2012 года главный редактор литературного журнала «Номо Legens». Публиковался в журналах «Октябрь», «Нева», «Дети Ра», «Современная поэзия», альманахах и коллективных сборниках. Автор книг стихов «Ржаворонок» (М., 2009), «Лепесток» (М., 2011) и «Акустика» (М., 2013). Живет в г. Красногорске Московской области.

Преследовать, поймать, превысить,
Придумать на ходу закон,
Вменить им, побольнее высечь
И долго плакать, что легко,
Что счастье есть.

Но кто-то древний,
Чей взор проникновенней вьюг,
Качнет кроватьку, и задремлет
Суровый неумный дух.

И станет тьма во всей Вселенной,
Покойный сон, негромкий соп.
Смотри, как медленно и ленно
Крутится жизни колесо.

Фигурки мимо проезжают,
Не унывая, не ропща,
И машинисту сообщают
Об удивительных вещах.

* * *

Скачаешь что-нибудь и скачешь,
Как полоумный саранча,
Иль шаром громовым раскатишь
По чашечкам суконный чай,
Зайдешь ли вечером в таверну,
Устав от жизни кочевой, —
Повсюду свет, повсюду время,
Повсюду нету ничего.

Еще мерцающие сферы
Не отлетели от земли,
Еще не ведомо наверно,
Где единицы, где нули,
Плывет густой, как вешни воды,
Неповторимый тонкий звон,
И кажется, сейчас, сегодня
Завесу отведешь веслом.

Но света нет и нет движенья,
Стоит обиженно туман.
Ведет железом по железу
Насмешливая тетива.
Последний холодок пеняет
И мандариновый закат
За добровольный твой приямок,
За нескончаемый затакт.

* * *

От большого количества пахлавы
Начинает горчить халва.
И Вяземы-то, видишь, не так малы,
И Купавна не так нова.

От земного пути отрезая треть,
Остальное бы не раскрошить.
Побежали теперь же рассвет смотреть,
Чтобы засветло жизнь прожить.

Надевает лето голубой наряд:
К загорелым плечам идет,
Как идет по полю домой заря —
Где носило всю ночь ее.

* * *

Вспомнится порой издалека
Лунными тревожными ночами,
Как когда-то, болен и печален,
Мыкался по шахматным векам.

И ко всем случайным и чужим
Были и пристрастья, и обиды.
День вставал, да был почти не виден,
Холодом и тенью одержим.

Но однажды сделалось легко
Отдавать, здороваться, смеяться.
Куколка надумала меняться,
Ей ничто теперь не далеко.

Видел я в долине золотой,
Как летит, не ведая несчастий,
Ко всему на свете безучастен,
Махаон величиной с ладонь.